

Часть 1

ПРОРЫВ НА БАЛКАНЫ

1 июня 1942 года, 05:05. Варна, Дворец Евксиноград, рабочий кабинет царя Бориса Третьего

Едва первые проблески рассвета окрасили небо над морем в розовые тона, как на этом фоне у самого горизонта обозначились многочисленные черные точки. Царь Борис распахнул окно и поднял к глазам бинокль. Прямо к берегу, разбрасывая белые волны пены, мчалось несколько десятков торпедных катеров, и между ними как шершни среди мух выделялись два корабля на воздушной подушке, подобных тому, на котором посланец русских из будущего господин Иванов наносил визиты в Евксиноград.

Как царя Бориса и предупреждали несколько дней назад, вторжение русских армий в Болгарию началось. С этого момента он не хозяин в собственном доме — вплоть до того, что ему не позволят передать свой титул сыну. Мол, конституционная монархия сохранится в Болгарии только в связи с большими заслугами перед Антигитлеровской коалицией лично его, царя, и никого более. Править его страной

будет теперь Отечественный фронт: союз коммунистов с левыми и центристскими партиями помельче — и в конечном итоге та превратится в еще одно государство, ассоциированное в состав Советского Союза. И это также оговорено заранее — вместе с условием, что советизация будет до предела мягкой. Но это все равно будет советизация...

Хотя, с другой стороны, отныне Болгария официально становится членом Второй антигитлеровской коалиции, после чего и речи уже быть не может ни о каком турецком нападении. Немногочисленные болгарские солдаты и офицеры, что сидят в полевых укреплениях по линии турецкой границы, теперь могут выдохнуть: все интриги Черчилля пропали втуне. Красная Армия, которая вот-вот вступит на территорию его страны, уже оправилась от прошлогодних поражений и теперь сильна как никогда, а за ее спиной вырисовываются контуры силы, имеющей совсем уже беспредельное могущество. Эта сила не ищет тут себе удела, тем не менее от ее воли зависит жизнь и смерть этого мира. С теми, кто действует в соответствии с ее волей, она поступает мягко, позволяя жить и даже процветать, однако вздумавших ей противостоять вобьет в землю по самые брови. И президент Иненю об этом знает, и, более того, об этом знают его генералы. Турция — не Германия, и если немецкие солдаты дрались с русской армией из будущего, даже испытывая иррациональный страх перед ней, то турецкие аскеры так не сумеют. Недаром господин Иванов сказал, что в случае нападения на Болгарию, союзную Второй Антигитлеровской коалиции, под вопросом окажется сама турецкая государственность.

На негнущихся ногах царь подошел к рабочему столу и снял трубку телефона.

— Барышня, дайте Софию, номер 2-12-36¹, — сказал он и, дождавшись негромкого «алло», произнесенного знакомым голосом, проговорил кодовую фразу: — День, о котором мы с вами говорили, настал. Гости прибыли, свадьба состоится в любую погоду. Будьте добры, обеспечьте оркестр, как мы и договаривались.

— Будет сделано, — ответила телефонная трубка, вслед за чем раздались короткие гудки.

Дело было сделано. И даже если телефон царя прослушивается гестапо или жандармерией, то времени на реагирование у них почти не остается. Как и способов. Еще вчера в Евксиноград прибыла боевая группа прокоммунистических повстанцев. Их командир, суровый и немногословный, представившийся царю товарищем Стояновым, напомнил Борису Третьему героев давно минувших дней — четников ВМОРО, боровшихся против турецкой оккупации болгарских земель. Царь думал, что таких людей больше не делают, а они оказались там, в компании тех, кто боролся против его власти. И точно так же, как у четников старых времен, среди болгарских коммунистов имелись люди, желающие всего и сразу, а также те, что были готовы к компромиссам.

У царя Бориса, конечно, имелась личная охрана, но боевого опыта у сотрудников не было. Откуда ему взяться, если Болгария ни с кем не воевала уже двадцать лет. И вооружение охраны составляли винтовки Маузера и пистолеты; единственный пулемет МГ на всю команду погоды не делал. Сунься к Евксинограду немцы при поддержке пары «двоек» или одного

¹ На 1942 год в Софии имелась телефонная станция на восемь тысяч номеров с ручным переключением номеров посредством барышень-телефонисток, а также декадно-шаговая АТС Сименс-Гальске на две тысячи номеров. Переключение междугородных линий производилось вручную.

штурмгешютца — и дела царя Бориса были бы плохи, не говоря уже о налете авиации. Девятка «штук» могла бы расковырять дворец без особого риска, и единственный пулемет не помешал бы этому.

Коминтерновские боевики, хоть и одетые в штатское, оказались людьми вымуштрованными, бывальными и к тому же хорошо вооруженными. Почти половина из них в составе интербригад участвовали в гражданской войне в Испании, другие успели повоевать в рядах Красной Армии на Южном фронте и при обороне Одессы. Да и вооружен их отряд был, можно сказать, по запортальным стандартам: автоматы АК-47, пулеметы МГ, реактивные противотанковые гранатометы, а также несколько ПЗРК первых серий. Против них те же немцы с «двойками» или «штурмгешютцем» выглядели совершенно несерьезно: сначала железные коробки превратятся в бензиновые костры, а потом умрет и пехотное прикрытие. Тут даже шальной «юнкерс», пролетающий над резиденцией, не почувствует себя в безопасности. Поднимет боец на плечо предмет, напоминающий трубу — и все, отлетелся очередной птенчик Геринга.

Но все обошлось. Возможно, немцы, что находились на территории Болгарии, не подозревали о существовании заговора, либо же не верили в его осуществимость — и по этой причине оказались застигнуты врасплох. В пять утра, спешно разбуженные, чины гестапо и абвера уже фатально не успевали за ситуацией. Для деятелей из «Звена», взявших на себя военную часть операции, это был уже третий-четвертый переворот в их истории — так что там, в столице, все шло, как в хорошо отрепетированном спектакле. Подлежащих интернированию деятелей свергаемого правительства будили, давали кое-как одеться и на черных машинах свозили в тюрьму. Верные заговор-

щикам болгарские солдаты окружили германское, румынское и итальянское посольства, а учреждения, не обладающие дипломатическим иммунитетом, брали штурмом без всяких церемоний.

Царь Борис знал, что после получения его сигнала Дамян Велчев — сухой, подтянутый, в выглаженном до хруста мундире — явился в советское постпредство и от имени временного болгарского правительства зачитал перед посланником СССР Александром Андреевичем Лаврищевым ноту о выходе Болгарии из Берлинского пакта и присоединении ее ко Второй Антигитлеровской коалиции. В германское посольство, представляющему Германию функционеру СА¹ по имени Адольф Беккерле, аналогичный документ планировалось доставить курьером. Для этого мелко-го политического персонажа сойдет и так.

Одновременно с этими событиями сторонники изменения политической ориентации Болгарии должны были взять под свой контроль Софийский аэропорт — и царь, высунув голову из окна, мог наблюдать, как севернее его резиденции с востока на запад под прикрытием истребителей высоко в небе пролетает подсвеченная восходящим солнцем большая группа военно-транспортных самолетов. Гул их моторов едва долетает до земли с огромной высоты. Через час двадцать минут они будут уже в Софии, а ему, царю, пора нахлобучивать на голову шляпу и, как это уже было, выходить встречать дорогих гостей.

¹ После того как в январе 1941 года, перед началом нападения на СССР, Гитлер выразил недовольство работой немецких дипломатов в странах Юго-Восточной Европы, министр иностранных дел фон Риббентроп отправил в отставку кадровых дипломатов, работавших послами в Словакии, Румынии и Болгарии, назначив вместо них функционеров СА Ханса Людина, Манфреда фон Киллингера и Адольфа Беккерле.

*Четверть часа спустя, смотровая площадка
на берегу*

Пока Борис спускался по лестнице и шел через сад к морю, вокруг стремительно светало. На смотровой площадке, поеживаясь от утреннего холодка, стояли товарищ Стоянов и начальник царской охраны подполковник Иван Радев. Корабли были уже близко. Быстроходные катера, двигаясь плотной группой вдоль берега, нацеливались на порт Варны, и только два больших СВП под вполне различимыми Андреевскими флагами направлялись непосредственно к Евксинограду. А где-то далеко в море призрачными синеватыми тенями уже вырисовывались силуэты больших морских пароходов, до самых верхних палуб загруженных советскими войсками.

— Ну вот и все, — сказал товарищ Стоянов, — дождались. Еще немного — и Болгария будет свободна...

— Болгария и так свободна, — возразил царь Борис, — только, быть может, как и в прошлый раз, она ввязалась в войну на неправильной стороне...

— Вы наивный человек, хоть и царь, — пожал плечами товарищ Стоянов, — ваш премьер господин Филлов фактически отдал Болгарию в рабство Гитлеру, невзирая на то, что сердца болгар лежат в другой стороне. То, что мы сейчас имеем — это завуалированная оккупация, прикрытая фиговым листком мнимого сотрудничества, а на самом деле немцы делают в Болгарии все что хотят.

— Так и есть, ваше величество, — негромко сказал начальник охраны, — если бы не это обстоятельство, то я ни минуты не остался бы возле вашей особы после того, как вы стали якшаться с красными. Мы, преданные вам люди, не очень-то любим коммунистов, но в то же время никогда не будем воевать против русских.

— Коммунисты коммунистам рознь, — сказал товарищ Стоянов, перекрикивая шум двигателей и свист пропеллеров приближающегося земноводного корабля, — и у нас тоже есть такие товарищи, которые нам совсем не друзья.

«О чем мы говорим? — подумал царь. — Сейчас с моего собственного благословения для Болгарии целиком рушится вся старая жизнь, а мы тут обсуждаем всякую суету. Туда, где сейчас в России расположены Врата, в наш мир словно бы упал большой камень, и от него во все стороны стали расходиться круги. И где они прошли, там все необратимо меняется: белое становится черным, плохое — хорошим, вчерашние враги мирятся, а бывшие союзники вцепляются друг другу в глотку... Прежде я смотрел на события со стороны, думая, что смогу пройти через все это и не измениться, но теперь я в этом уже не столь уверен...»

И как раз в тот момент, когда СВП по очереди вышли своими мягкими носами на песок пляжей и опустили десантные аппарели, из-за горизонта брызнули первые лучи восходящего солнца.

Впрочем, вид господина Иванова, спускающегося с корабля на берег в сопровождении одного большевистского генерала, адъютантов и охраны, снова приободрил Бориса Третьего — так что он и забыл о своих прежних панических мыслях. Этому человеку болгарский царь верит — точнее, доверяет. Имеется у пришельцев из будущего репутация людей, не бросающих своих слов на ветер — и если этот человек здесь, значит, все договоренности с большевистским вождем в силе.

Поздоровавшись с присутствующими, господин Иванов, со своей фирменной мефистофельской улыбкой сказал:

— Первым делом должен передать вам привет от вашего дражайшего итальянского родственника. Умберто Савойский чувствует себя хорошо, спит крепко и кушает с аппетитом, чего желает и всем прочим. А вам лично сообщаю, что советское правительство удовлетворило вашу просьбу о вхождении Болгарии во Вторую Антигитлеровскую коалицию. Добро пожаловать в клуб победителей, товарищи и некоторые господа.

— Господин Иванов, а вы уверены, что победите? — спросил начальник царской охраны.

— Так же точно, как и в том, что после ночи всегда бывает рассвет, господин Радев, даже если эта ночь полярная, — ответил тот. — Мы не можем не победить, потому что наши солдаты сражаются за то, чтобы у всех народов было право на счастливую жизнь, тогда как гитлеровские отморозки пошли на нас войной ради обширных поместий с послушными рабами. Но ничего, кроме могил с большими березовыми крестами, у нас им не полагается.

Неугомонный подполковник воскликнул:

— Неужели вы хотите сказать, что ваше оружие из будущего не сыграло никакой роли в тех победах, которые Красная Армия одержала над непревзойденным до той поры германским вермахтом?

— Конечно, техника и вооружение сыграли свою роль, — пожал плечами посланец русских из будущего, — с этим я спорить не буду. Но плохому солдату — например, французскому, который не хочет воевать, — какое оружие в руки ни дай, он все равно его поломает или потеряет, а в итоге проиграет все сражения и войну в целом. А наши, как говорил Суворов, чудо-богатыри, при наличии хорошего оружия и проверенных командиров, способны свернуть горы и полностью перекрыть политическую карту Евро-

пы. Но на этом давайте прекратим наш импровизированный приветственный митинг и приступим к насущным вопросам. Борис Фердинандович, позвольте представить вам командующего Балканским фронтом генерал-полковника Константина Константиновича Рокоссовского. С момента вашего вступления во Вторую Антигитлеровскую коалицию болгарская армия также попадает в его подчинение.

Болгарский царь посмотрел по сторонам и оценил количество до зубов вооруженных солдат, высадившихся на берег из земноводных машин — сейчас они, разбившись на группы, занимали оборону по периметру его резиденции. Даже неискушенный в военном деле человек способен признать в этих вышколенных и футуристически экипированных бойцах настоящих «марсиан» — таинственных и непостижимых уроженцев двадцать первого века, а не наспех подтянутых до их уровня бойцов РККА. Если отряд товарища Стоянова был серьезным подкреплением к его охране, то подразделение, прибывшее с господином Ивановым, одним своим присутствием полностью устраняло любые угрозы средней тяжести.

— Мне очень приятно, что к нам прислали столь молодого и в то же время прославленного генерала Красной Армии, — сказал Борис Третий. — Впрочем, я думаю, что разговаривать о делах, стоя под открытым небом, было бы неприлично, а потому прошу всех пройти в дом. В моем рабочем кабинете беседовать о делах будет гораздо удобнее.

Некоторое время спустя, снова рабочий кабинет царя Бориса Третьего

Когда все приглашенные из числа большого начальства вошли в кабинет царя Бориса, в кармане

у Сергея Иванова вдруг что-то тоненько запищало, будто там просится на волю попавшая в капкан мышь. Посланец русских из будущего вытащил из кармана прибор, внешне похожий на тонкий эбонитовый портсигар для сигарилл с мундштуком, прочел на его экране сообщение и, удовлетворенно хмыкнув, сказал:

— Должен вам сообщить, что в Софии все прошло наилучшим образом. Господа офицеры из «Звена» оказались на высоте, и наши товарищи-коммунисты тоже не подвели. С этого момента господин Кимон Гергиев — премьер-министр, господин Дамян Велчев — военный министр, товарищ Димитров — министр иностранных дел, а товарищ Тодор Живков, — Сергей Иванов чему-то усмехнулся, — министр внутренних дел. Ноты о выходе Болгарии из Берлинского пакта и об объявлении войны Германии, Румынии, Италии и Венгрии законным адресатам уже отправлены, и к полудню с их стороны надо ожидать знатной истерики...

Болгарский царь знал, что у немцев в Греции оказалась запертой часть 12-й армии (восемь дивизий) под общим командованием военного преступника генерала инженерных войск Вальтера Кунце. Другая часть этой армии, 18-й горнопехотный корпус (три дивизии), выполняла оккупационные и антипартизанские функции в Сербии. Переход Болгарии на сторону Второй Антигитлеровской коалиции разрезал этого нацистского червяка напополам, как острый заступ садовника, ибо все связывающие их коммуникации проходят через болгарскую Македонию. И теперь эти войска, привыкшие в ожидании английских десантов расстреливать мирных жителей да бороться с храбрыми, но плохо вооруженными и неорганизованными партизанами, будут иметь дело с солдатами, которые совсем недавно наголову разгромили группу

армий «Юг» и теперь жаждут новой германской крови и новых побед. При этом, как показали события на юге Украины, размещенные там же оккупационные итальянские войска в этом деле немцам не помощники. Разбегутся по кустам при первых же выстрелах, только их и видели.

Сделав небольшую паузу, товарищ Иванов продолжил:

— Но положение немецких войск в Греции еще не столь тяжелое. Непосредственно сейчас им ничего не угрожает, а морские коммуникации с союзной Гитлеру Италией сохраняют для греческой группировки вермахта транспортную связность с рейхом. Зато Румыния, армия которой по стойкости значительно уступает германской, должна почувствовать себя как курица, предназначенная к запеканию в духовке, ведь одновременно с высадкой в Болгарии Красная Армия начала наступление на Восточном фронте. Там, на рубеже реки Прут Антонеску собрал последние боеспособные румынские соединения, а на болгарской границе, проходящей по Дунаю, их и вовсе, пожалуй, нет. А ведь от болгарского города Русе на правом берегу Дуная до центра Бухареста по дорогам не более семидесяти километров. Вот где сейчас должны бегать, кричать, рвать волосы и хвататься за голову... — Он усмехнулся. — Впрочем, у немцев в Греции (в пригороде Афин Кифисья) помимо сухопутных частей расположен десятый авиакорпус люфтваффе, реакция которого на события в Болгарии может быть незамедлительной и весьма радикальной.

Царь Борис озабоченно произнес:

— Надеюсь, вы, господин Иванов, примете все возможные меры для того, чтобы в результате этой истерики немцы не разбомбили вдребезги Софию или какой-нибудь еще болгарский город...